

ЕВТИФРОН

Перевод С. А. Жебелева.

ВВЕДЕНИЕ

Древние ученые объединили в одну группу диалоги Платона „Евтифрон“, „Критон“ и „Федон“ и, присоединив к ним трактат „Апология Сократа“, составили из этих четырех произведений Платона первую тетралогию из числа тех, на которую были распределены в древности все сочинения Платона, признанные подлинными. Внешним поводом к объединению указанных четырех произведений Платона было то, что все они посвящены событиям, имевшим место в жизни Сократа в связи с постигшей его катастрофой: в „Евтифроне“ упоминается о начальной стадии процесса, возбужденного против Сократа; „Апология“ воспроизводит его речь, произнесенную им в свою защиту на суде; „Критон“ стоит в связи с одним фактом из того времени, когда Сократ находился в тюрьме; наконец, в „Федоне“ рассказывается о последних часах жизни Сократа и об его кончине.

„Евтифрон“ занял первое место в первой тетралогии не только потому, что им открывается трагедия судьбы Сократа, но и потому, что основная тема этого диалога посвящена выяснению вопроса, интересовавшего, по мнению древних, Сократа прежде и главнее всего, — вопроса о том, что такое благочестие¹.

„Евтифрон“, несомненно, принадлежит к числу подлинных произведений Платона. Сомнения, высказанные, в свое время, Астом, по поводу его подлинности, ныне должны быть признаны сданными в архив. Не принадлежа к числу шедевров Платоновского творчества, небольшой диалог, тем не менее, носит на себе все отличительные черты этого творчества, как в формальном отношении — с точки зрения языка, стиля и пр., — так и по существу — в отношении развиваемых в диалоге философских построений. Композиция диалога очень простая. Первые четыре главы служат как бы вступлением к основной его

---

¹ Платон, для обозначения понятий „благочестие“ („нечестие“), пользуется двойным термином: чаще *δσιον* (*анпсион*), реже *ευσεβης* (*евсебеиа, асебес, асебеиа*). Провести точную градацию между обоими этими терминами в переводе не так-то легко. Под *δσιον* греки понимали все то, что приказано или дозволено божественным законом, что освящено им, что, в конечном результате, благочестиво вообще с абсолютной точки зрения. Греки называли того человека *ευσεβης* (благочестивым или набожным в нашем смысле), который свято выполняет свои обязанности, вытекающие из понятия благочестия (*δσιον, δσιότης*), не только по отношению к божеству, но и к родителям, лицам, достойным почтения, предписаниям закона и т. п. Таким образом, в понятие *ευσεβεια* входят, прежде всего, те или иные конкретные акты благочестия.

части. Обоим собеседникам, и Сократу, и Евтифрону, предстоят судебные процессы. Из них первому придется выступать в роли обвиняемого, по введеному на него Мелетом обвинению в разращении юношества и в вводимых им религиозных новшествах; второму — в качестве обвинителя своего отца, оказавшегося невольным виновником смерти одного из своих поденщиков. Евтифрон, „знаток“ всего, относящегося к области религии (3 С), бывший „предсказателем“ (*χρησμφόδος*), как его Платон называет в „Кратиле“ (396 D), вполне уверен, что возбужденное им против отца дело — дело благочестивое: благочестиво призвать к суду всякого преступника, хотя бы даже родного отца, коль скоро боги позволяли себе сурово расправляться с своими родителями. Но Сократ не удовлетворен таким чисто формальным определением благочестия, основывающимся на одном конкретном случае. Он просит своего собеседника дать ему более общее определение благочестия, именно понятия благочестия, как такового, определение, которое подходило бы ко всем тем случаям, где благочестие проявляется (5 D. 6 D). Евтифрон определяет тогда благочестие, как нечто такое, что любезно богам; но так как, согласно утверждению самого Евтифрона, между богами царит разногласие, то благочестие должно быть определено как нечто такое, что любезно всем богам. Сократ заставляет тогда своего собеседника согласиться с тем, что благочестивое любезно богам потому, что оно благочестиво (10 D); следовательно, сущность (*οὐσία*) благочестия не может состоять в том, что оно любезно богам, так как это является лишь внешним свойством (*πάθος*) благочестия (11 А).

Евтифрон оказывается таким образом не в состоянии выяснить сущность благочестия, и Сократ сам берет за эту задачу. Оно характеризует понятие благочестия, как чего-то такого, что подчинено справедливости (11 Е сл.): благочестие есть часть (*μορίον, μέρος*) справедливого. Евтифрон готов согласиться с тем, что благочестие, как часть справедливости, есть все то, что имеет отношение к культу богов, в то время как остальная часть справедливости относится к взаимным отношениям людей между собою (12 Е). Коль скоро благочестие есть часть справедливости и состоит в служении богам, то, конечно, возникает вопрос: в чем же заключается это служение (*θεράπεια*)? По мнению Евтифрона, в правильном знании религиозных актов — жертвоприношения, молитвы и пр. Но Сократ замечает, что в таком случае понятие благочестивого совпадает с понятием боголюбезного (*θεοφιλές*). Диалог заканчивается, не давая исчерпывающего определения понятия благочестия. Но в тех попытках, которыми собеседники пробуют установить это понятие, все же указывается, что правильный путь к разрешению поставленного вопроса возможен только в том случае, если допустить, что целью благочестия является благо. А если так, если благочестие есть часть справедливости, то и в мире богов должны существовать этические законы, и между богами господствующую силу должно быть благо.

Для определения времени, когда составлен „Евтифрон“, в самом диалоге не содержится никаких указаний. Правда, Шлейермахер из внешней ситуации диалога, а также и из основной его идеи склонен был относить его ко времени процесса Сократа, обвиненного как раз в безбожии. Шлейермахер же, однако, обратил внимание и на то, что благочестие, рассматриваемое в „Протагоре“, как

особая основная добродетель, исчезает из числа этих основных добродетелей в последующих диалогах. Так как „Евтифрон“ посвящен специальному обсуждению вопроса о благочестии, то это находит свое объяснение в том, что Платон хотел в нем дать своим читателям необходимое указание на происшедшую в его мировоззрении перемену касательно понятия благочестия. Исходя из этого соображения Шлейермахера, Гомперц поместил „Евтифрона“ не только за „Протагором“, но и за „Горгием“; в последнем содержится указание, что справедливость состоит в том, чтобы выполнять свои обязанности в отношении людей, благочестие — в том, чтобы выполнять свои обязанности в отношении богов (507 В)¹. „Горгий“ написан в конце 90-х, в начале 80-х гг. IV века. К этому времени должно быть относимо и составление „Евтифрона“.

Главное его значение состоит в удачно проведенном контрасте между „ограниченным ортодоксом, неясные и недостойные представления которого о благочестии выступают с полной наглядностью, и серьезным философом, заботящимся об автономном и вместе с тем этическом обосновании благочестия“ (Виндельбанд). Гомперц в своих „Греческих мыслителях“ указал на удивительное совпадение между мыслями, проводимыми Платоном в „Евтифроне“ и Кантом в его сочинении „Религия в пределах простого разума“; тот же ученый отметил характерную для „Евтифрона“ иронию, с какою обрисовывается обвинитель Сократа, Мелет (начало диалога); искусство, с каким Платон переплетает конкретный случай с основною проблемою диалога; „логическую зрелость“ мышления философа, сказывающуюся в строго проводимом различении между *ὁβρία* и *λάθος* (11 А), в употреблении слова *ὁλόθεσις* (11 С) в техническом смысле, в точном подчинении понятия „благочестивый“ понятию „справедливый“ (12 D).

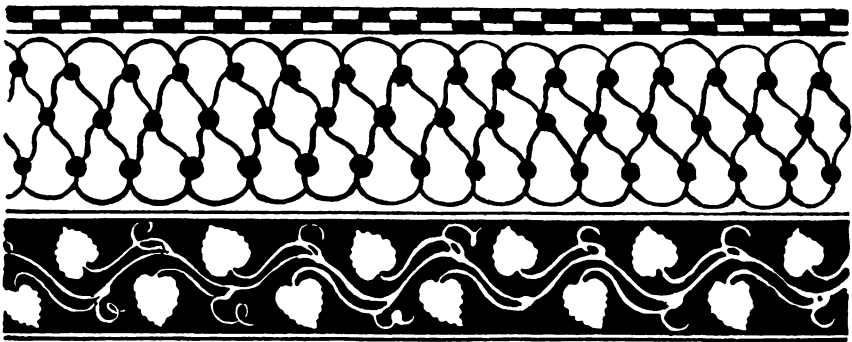
Специальное издание „Евтифрона“ М. Шанца (M. Schanz), Лпц. (Tauchnitz) 1887. Из русских переводов „Евтифрона“ нужно отметить перевод М. С. Соловьева (Творения Платона, пер. Вл. Соловьева, т. II). Там же помещено рассуждение об „Евтифроне“ С. Н. Трубецкого. Из литературы, относящейся к „Евтифрону“, отметим статью G. Schneider'a, *Der Begriff der Frömmigkeit in Lessings Nathan und in Platons Euthyphron* = Fries und Menge, *Lehrproben und Lehrgänge*, 1905, II. — Мой перевод „Евтифрона“ редактирован Э. Л. Радловым.

С. Жебелев.

---

¹ В „Горгии“ же затрагивается вопрос, должно ли привлекать к суду родственника, поступающего несправедливо (480 С. 507 D).

Евтифрон. Что случилось, Сократ? Почему покинул ты p. 2
пребывание свое в Ликее¹ и пребываешь теперь здесь, у Царского Портика²? Ведь не ведешь же ты гражданское какое дело у царя³, как я?

Сократ. Конечно, нет! Афиняне, Евтифрон, называют дело это, во всяком случае, не гражданским, а уголовным.

Евтифрон. Чтó ты говоришь?! Тебя, значит, обвиняют В
в уголовном преступлении? Ведь не могу же я допустить, будто ты обвиняешь другого.

Сократ. Еще бы!

Евтифрон. Выходит, другой обвиняет тебя?

Сократ. Вот именно.

Евтифрон. Да кто же это?

Сократ. Я и сам хорошенько не знаю, Евтифрон, его. По-видимому, кто-то из молодых, с кем я незнаком. Прозывается он, сдается мне, Мелетом, а по дому он питфейец⁴. Представляешь себе какого-то питфейца Мелета, такого, с прилизанными волосами, с жиденькою бородою, горбоносого?

Евтифрон. Нет, Сократ, не представляю. Но в каком же С
преступлении он обвиняет тебя?

Сократ. В каком? Не в маловажном, кажется мне. В молодые годы да распознать такое серьезное дело — не шутка! Ведь Мелет, как он утверждает, знает, как развращают молодых людей, знает и кто их развращает. Выходит, он — мудрец своего рода. Усмотрев, как я, по своему невежеству, развращаю его сверстников, он выступает обвинителем против меня, как бы пред матерью — пред государством. И кажется мне, из государ-

- ственных мужей он один только правильно и берется за дело.
- Д Ведь правильно — сперва позаботиться о молодых людях, чтобы они были как можно лучше, подобно тому, как хороший земледелец, естественно, сначала будет заботиться о молодых насаждениях, а затем уже и обо всех прочих. Вот и Мелет, должно быть,
- 3 выполоть хочет нас, развращающих, как говорит он, молодые побеги, а затем, после этого, он, очевидно, позаботится и о тех, кто постарше, и окажется виновником величайших благ для государства. Этого, естественно, должно ожидать от того, кто начал с такого начала.

2

Евтифрон. Хотел бы я, чтобы так было, Сократ. Только опасаясь, как бы не вышло наоборот: сдается мне, он просто-напросто „начинает с очага“⁵ приносить зло государству, пытаюсь поступить с тобою несправедливо. Но скажи мне, что же, по его утверждению, ты делаешь такого, что развращаешь молодых людей.

- В Сократ. Послушать его, любезнейший, так одни нелепости. Он утверждает, будто я сочиняю богов. За то, что я сочиняю новых богов, а старых не признаю, — вот за это-то, как он утверждает, он и подал на меня жалобу.

- Евтифрон. А, понимаю, Сократ! Это потому, что, как ты сам утверждаешь, у тебя сплошь да рядом бывает дембний⁶. Значит, он подал на тебя это обвинение за то, что ты вводишь новшества в дела, касающиеся религии. И, конечно, подавая в суд, он клеветает, так как знает, что большинство охотно верит подобным клеветам. И меня, когда я говорю в народном собрании о чем-нибудь, касающемся религии, и предсказываю будущее, высмеивают, как сумасшедшего. Хотя в том, о чем я давал предсказания, я не сказал никакой неправды, все-таки они завидуют таким людям, как мы с тобою. Только на них не следует вовсе обращать внимания, а надо итти своею дорогой.
- С

3

Сократ. Да, дорогой Евтифрон, попасть насмех, пожалуй, и не велика печаль! Афинян-то, сдается мне, не очень тревожит

тот, кого они считают сильным в мудрости, но неспособным обучать ей. Зато на того, кто, по их мнению, других делает мудрыми, они гnevаются, либо из зависти, как ты говоришь, либо по чему иному.

Евтифрон. Ну, тем, как они ко мне относятся, я не очень-то интересуюсь.

Сократ. Быть может, по их мнению, ты редко бываешь на виду и не желаешь обучать своей мудрости. А за себя я опасаюсь, как бы им не показалось, что я, из человеколюбия, подробно беседую со всяким о том, что могу сказать, не только безвозмездно, но еще готов с удовольствием и сам приплатить тому, кто желает меня слушать. Итак, если афиняне, как я только что говорил, собираются посмеяться надо мною, как, по твоим словам, они смеются над тобою, ничего не было бы тут неприятного — пошутить и посмеяться в суде. Если же они взглянут на дело серьезно, то что из этого произойдет, известно только вам, предсказателям.

Евтифрон. А, может быть, Сократ, и ничего не будет — ты свой процесс проведешь удачно, а я, думается мне, — свой.

4

Сократ. А у тебя, Евтифрон, какое дело в суде? Тебя преследуют судом, или ты кого преследуешь?

Евтифрон. Я преследую.

Сократ. Кого?

Евтифрон. Преследую такого человека, что снова сочтут 4 меня сумасшедшим.

Сократ. Как так? Преследуешь летящего?'

Евтифрон. Где ему летать? Очень уже он стар.

Сократ. Кто это?

Евтифрон. Мой отец!

Сократ. Твой отец, любезнейший?!

Евтифрон. Он самый.

Сократ. В чем же обвинение? О чем идет дело?

Евтифрон. Об убийстве, Сократ.

Сократ. Геракл! Конечно, Евтифрон, большинству-то неизвестно, как тут было бы правильным поступить. Я думаю, первый

встречный не найдет правильного выхода; найдет его только тот, кто уже далеко ушел в мудрости.

Евтифрон. Конечно, Сократ, клянусь Зевсом, тот, кто далеко ушел.

Сократ. Само собою разумеется, умерший по вине твоего отца кто-нибудь из близких? Не так ли? Не стал бы ты обвинять отца из-за кого-нибудь чужого.

Евтифрон. Смешна, Сократ, твоя мысль, будто есть разница, кто умерший—чужой или близкий. Ты не считаешься с необходимостью следить только за тем, имел ли право убийца совершить убийство, или не имел, и, если имел право, то оставить его в покое, если не имел, — преследовать его судом, хотя бы убийца был твоим сожителем и сотрапезником. Ведь ты осквернишь себя в равной мере, если заведомо будешь проживать вместе с таким человеком и не очистишь себя и его, обратившись к суду... Умерший состоял у меня на службе, и, когда мы обрабатывали землю на Наксосу, был там у нас поденщиком⁸. Напившись пьяным и рассердившись на одного из наших рабов, он его зарезал. Отец связал ему ноги и руки, бросил его в ров и послал сюда, в Афины, человека справиться у эксегета⁹, как поступить. В течение этого времени он оставил без внимания связанного, относился к нему, как к убийце, беззаботно — не важное, дескать, дело, если и умрет. А это как раз и случилось. От голода, холода, от того, что он был связан, тот и умер, прежде чем прибыл посланный с вестью от эксегета. Вот за это-то и негодует на меня отец и прочие домашние, что я, из-за убийцы, обвиняю в убийстве отца, который, как они утверждают, и не убивал на самом деле, а если бы даже и убил — умерший-то был сам убийца, — то не стоит беспокоиться о таком человеке. Нечестиво, говорят они, сыну преследовать судом отца за убийство. Плохо они знают, Сократ, что такое божественное и как оно относится к тому, что благочестиво и нечестиво.

Сократ. А ты-то, Евтифрон, скажи ради Зевса, самого себя считаешь настолько тонким знатоком в вопросах, относящихся к области божественного, благочестия и нечестия, что — допустим, все произошло так, как ты говоришь — не боишься совершить, в свою очередь, нечестивое дело, привлекая к суду отца?

Евтифрон. Да я был бы никуда негодным человеком, Сократ, ничем не отличался бы Евтифрон от прочего большинства, если бы не знал всего этого в точности.

5

Сократ. Выходит, самое лучшее для меня, чудеснейший мой Евтифрон, стать твоим учеником и, прежде чем отвечать на обвинение Мелета, привлечь его к ответственности по тому же делу, заявив следующее: Я и в прежнее время высоко ценил знание всего, относящегося к божественному, а теперь, когда Мелет утверждает, будто я погрешаю в нем, вводя самочинно новшества, стал твоим, Евтифрон, учеником. Мелет, мог бы я сказать: если ты признаешь Евтифрона мудрым в подобных вещах, считай и меня мыслящим о них правильно и не судись ^В со мною; в противном случае, сначала подавай жалобу на него, моего учителя, за то, что он развращает стариков, меня и своего отца, меня — уча, его — исправляя и наказывая. И если Мелет меня не послушается и не освободит от суда, или, если он не подаст жалобу на тебя, вместо меня, то уже не говорить ли мне и на суде то же самое, — дать ответ, за что я вызываю его?

Евтифрон. Клянусь Зевсом, Сократ, если бы Мелет, действительно, попробовал подать на меня жалобу, я уже отыскал бы ^С его слабое место, думаю я, и на суде у нас речь о нем пошла бы гораздо раньше, чем обо мне.

Сократ. Сознывая это, милый друг мой, я и горю желанием стать твоим учеником. Я знаю, что как всякий другой, так и этот Мелет тебя-то, кажется, и не замечает, меня же он так ловко и легко заприметил, что подал на меня жалобу по обвинению в неблагочестии. А теперь, ради Зевса, скажи мне о том, что, как ты только что утверждал, твердо знаешь: что такое, по твоему утверждению, благочестие и нечестие, как в отношении к убийству, так и ко всему прочему? Не бывает ли так, что во всяком деянии благочестие подобно самому себе, нечестие же, в свою очередь, будучи противоположно всему благочестивому, подобно самому себе и содер-

жит в себе одну идею всякого нечестия, в чем бы оно ни проявлялось.

Евтифрон. Это, Сократ, во всяком случае, так.

6

Сократ. Скажи мне, что ты считаешь благочестием и что нечестием?

Евтифрон. Я утверждаю, что благочестие это — то, что я теперь делаю, а именно: преследовать судом преступного в убийстве, святотатстве или чем подобном, будь это отец, мать или кто другой; не преследовать судом такого человека будет нечестие. И вот, посмотри, Сократ, какое я тебе приведу веское доказательство в пользу того, что все это соответствует установившемуся обычаю — я и другим уже говорил, что поступать так значит поступать правильно, — именно, не потакать нечестивому, кто бы он ни был. Сами люди считают Зевса самым благим и самым справедливым из богов; между тем, по общему признанию, он заковал своего отца за то, что тот пожирал своих сыновей вопреки справедливости, а отец Зевса, в свою очередь, оскотил своего отца за нечто другое в таком же роде. А на меня сердятся за то, что я преследую судом отца за его несправедливый поступок. Таким образом, люди противоречат самим себе, когда они говорят о богах и обо мне.

Сократ. Уже не за то ли и я, Евтифрон, подвергаюсь уголовному преследованию, что я, всякий раз как говорят нечто подобное о богах, как-то с трудом соглашаюсь с этим. По-этому-то, повидимому, и будут утверждать, что я грешник. Теперь же, коль скоро и тебе, хорошему знатоку всех подобных вещей, тоже так кажется, необходимо, повидимому, и мне с этим согласиться. Да и что сказать нам, нам, которые сами признаются, что они об этих вещах ничего не знают? Но, ради Покровителя Дружбы¹⁰, скажи мне: ты-то сам полагаешь правду, что все это так действительно и было¹¹?

Евтифрон. Были вещи и еще куда удивительнее этого, Сократ; большинство о них и понятия не имеет.

Сократ. Следовательно, ты думаешь, между богами, в самом деле, бывали междоусобная война, страшная ненависть, боевые

схватки и многое иное в таком же роде, о чем говорят поэты и чем пестро изукрашивают славные наши живописцы всякие священные предметы, между прочим, и тот пеплос, заполненный подобного рода узорами, который, во время Великих Панафиней, везут на акрополь¹²? Скажем ли мы, Евтифрон, что все это — правда?

Евтифрон. Не только это, Сократ, но, как я только что упомянул, и многое иное; если хочешь, я могу тебе привести насчет божественного такие рассказы, что, услышав их, ты будешь, я уверен, поражен.

7

Сократ. Что мудреного! Только об этом ты мне расскажешь потом, на досуге, а теперь постарайся яснее высказаться о том, о чем я тебя только что спрашивал. Ведь ты, друг мой, на мой предыдущий вопрос не дал достаточных разъяснений — чем может быть благочестие. Ты сказал только, что то, что ты теперь делаешь, т. е. судом преследуешь отца за убийство, благочестиво.

Евтифрон. И я правду говорил, Сократ.

Сократ. Может быть. Но, ведь, Евтифрон, ты считаешь, что и многое другое бывает благочестивым?

Евтифрон. Да, бывает.

Сократ. Ведь ты помнишь, что я просил тебя разъяснить мне не какой-либо один или два вида из большей части того, что относится к благочестивому, я просил тебя разъяснить мне тот вид благочестивого, при котором все благочестивое — благочестиво? Ты же сказал, что в силу одной идеи нечестивое является нечестивым, благочестивое — благочестивым? Не помнишь этого? E

Евтифрон. Помню.

Сократ. Разъясни же мне эту идею, что она такое, чтобы я, взирая на нее и руководствуясь ею, как примером, мог утверждать, в случае, если бы ты или кто другой поступал подобным образом, что это благочестиво, а если не подобно, то утверждал бы, что это — нечестиво.

Евтифрон. Если хочешь, Сократ, я тебе это изложу.

Сократ. Разумеется, хочу.

7 Евтифрон. Итак: то, что любезно богам, — благочестиво, что не любезно, — нечестиво.

Сократ. Превосходно, Евтифрон! Как я хотел, чтобы ты ответил, так теперь ты и ответил. Однако, верно ли ты ответил, этого я еще не знаю; впрочем, ты, очевидно, дальше разъяснишь, что то, что ты говоришь, верно.

Евтифрон. Конечно.

8

Сократ. Итак, разберем же, что мы утверждаем. Боголюбное и боголюбезный человек — благочестивы, богоненавистное и богоненавистник — нечестивы. Благочестивое и нечестивое — не одно и то же, но совершенно противоположное. Так?

Евтифрон. Так.

Сократ. Повидимому, это правильно сказано?

В Евтифрон. Кажется, да, Сократ¹³?

Сократ. А что боги заводят распри, Евтифрон, что они бывают несогласны между собою, что среди них возникает взаимная вражда — об этом разве не говорят?

Евтифрон. Говорят.

Сократ. А вражду и гнев, любезнейший, вызывает несогласие относительно чего? Разберем это так: допустим, что мы, я да ты, несогласны в том, какое из двух чисел больше. Разве несогласие насчет этого сделает нас врагами, заставит нас сердиться друг на друга? Разве, произведя вычисление в данном
С случае, мы не пришли бы быстро к соглашению?

Евтифрон. Конечно, пришли бы.

Сократ. А если бы мы были несогласны насчет большего и меньшего, разве мы не прекратили бы быстро наше разногласие, обратившись к измерению?

Евтифрон. Это так.

Сократ. А обратившись к взвешиванию, мы, я думаю, разобрали бы, что тяжелее, что легче?

Евтифрон. Еще бы!

Сократ. А насчет чего мы, оказавшись несогласными и не будучи в состоянии притти к какому-либо¹⁴ решению, стали бы врагами друг другу, пришли бы в гнев? Быть может, под рукою у тебя нет ответа, так посмотри, что я думаю на этот счет: не будет ли это — справедливое и несправедливое, прекрасное и безобразное, доброе и злое? Разве именно не это побуждает нас ссориться между собою, не быть в состоянии притти к удовлетворительному решению и, в результате, стать врагами друг другу, и меня и тебя и всех прочих людей?

Евтифрон. Да, Сократ, бывает разногласие и насчет всего этого.

Сократ. А боги-то, Евтифрон, как же? Если они в чем несогласны, то не бывают ли они несогласны именно из-за этого же?

Евтифрон. Обязательно так.

Сократ. Следовательно, и из богов, почтенный Евтифрон, ^Есудя по твоим словам, одни считают справедливым одно, другие — другое; то же и относительно прекрасного и безобразного, доброго и злого. Ведь не заводили бы боги взаимных распрей, если бы были согласны насчет этого. Не так ли?

Евтифрон. Правильно ты говоришь.

Сократ. Значит, каждый из них то, что считает прекрасным, добрым, справедливым, любит, а противоположное этому — ненавидит?

Евтифрон. Конечно.

Сократ. Признавая одно и то же, как ты утверждаешь, одни справедливым, другие — несправедливым, боги расходятся во ⁸мнениях, заводят распри, воюют между собою? Не так ли?

Евтифрон. Так.

Сократ. Следовательно, как будто, одно и то же боги и ненавидят и любят, и одно и то же может быть и богоненавистным и боголюбезным.

Евтифрон. Как будто.

Сократ. И благочестивым и нечестивым, Евтифрон, может быть одно и то же, согласно этому рассуждению.

Евтифрон. Повидимому.

9

Сократ. Значит, удивительный ты человек, ты не дал ответа на мой вопрос. Ведь я спрашивал не о том, что, будучи тождественным, бывает и благочестивым и нечестивым; оказалось, то же самое, что боголюбезно и богоненавистно. Таким образом, Евтифрон, в том, что ты теперь делаешь, карая своего отца, нет ничего удивительного, коль скоро, поступая так, ты делаешь Зевсу любезное, Кроносу и Урану враждебное, Гефесту — приятное, Гере — враждебное¹⁵; и если какой-либо из богов несогласен с другим насчет этого, ты и в отношении к ним поступаешь точно так же.

Евтифрон. Но, я думаю, Сократ, все боги согласны между собою насчет того, что убивший кого-либо несправедливо, должен дать за это ответ.

Сократ. Прекрасно! А от людей, Евтифрон, слышал ты, чтобы кто оспаривал, что убивший несправедливо или поступивший в чем другом несправедливо, не должен давать за это ответа?

Евтифрон. О, они постоянно спорят об этом и в судах, и в других местах. Поступая в очень многом несправедливо, они всё делают, всё говорят, лишь бы избежать суда.

Сократ. Но согласны ли они, Евтифрон, в том, что они в данном случае поступают несправедливо, и, будучи согласны в этом, тем не менее утверждают, что не должны за это давать ответа?

Евтифрон. Никоим образом.

Сократ. Значит, они не всё делают и говорят. Ибо, думаю я, этого они не осмеливаются говорить и оспаривать, будто не следует давать ответа даже в том случае, когда они поступают несправедливо. По моему, они просто отрицают, что поступают несправедливо. Не так ли?

Евтифрон. Правильно ты говоришь.

Сократ. Следовательно, они оспаривают не то, будто поступающий несправедливо не должен давать ответа, но, пожалуй, они спорят о том, кто поступает несправедливо, каким образом и когда.

Евтифрон. Правильно.

Сократ. Не то же ли самое, значит, бывает и с богами, когда они, как ты говоришь, поднимают распри из-за справедливого и несправедливого, и при этом одни утверждают, что другие поступают с ними несправедливо, а другие отрицают это? Этого-то, чудеснейший, никто ни из богов, ни из людей, во всяком случае, не осмелится утверждать, будто поступающий несправедливо не должен давать ответа.

Евтифрон. Это, Сократ, ты говоришь верно, по крайней мере, в главном.

Сократ. О каждом отдельном случае, Евтифрон, спорящие спорят, и люди и боги, — если только спорят боги. Не будучи согласны относительно какого-либо деяния, одни утверждают, что оно содеяно справедливо, другие — несправедливо. Не так ли?

Евтифрон. Конечно.

10

Сократ. А теперь, друг мой Евтифрон, научи-ка и меня, чтобы мне стать мудрее: чем ты можешь доказать, что все боги считают несправедливо погибшим того, кто, служа поденщиком, оказался убийцею и, будучи связан господином убитого, преждевременно умер вследствие того, что был связан, ранее чем связавший его узнал от эксегетов, что с ним нужно делать, и что из за такого-то человека правильно будет сыну преследовать судом отца и обвинять его в убийстве? Ну-ка, постарайся мне как-нибудь ясно доказать, что все боги считают этот поступок всего более правильным. Если ты представишь мне достаточные доказательства, я всегда буду прославлять тебя за мудрость.

Евтифрон. Не малое, пожалуй, дело будет это, Сократ; тем не менее я мог бы доказать тебе это совершенно ясно.

Сократ. Понимаю: я кажусь тебе менее понятливым, чем судьи; им-то ты, очевидно, докажешь, что это дело — несправедливое и что все боги ненавидят такого рода поступки.

Евтифрон. Докажу с полною очевидностью, Сократ, если только судьи будут слушать мою речь.

11

Сократ. Да они будут слушать, если им покажется, что ты правильно говоришь. А вот что́ пришло мне на ум, пока ты говорил, и о чем я думал про себя: Если бы Евтифрон как нельзя лучше разъяснил мне, что все боги признают такого рода смерть несправедливою, чем увеличились бы мои сведения насчет того, что́ же такое, наконец, благочестие и нечестие? Повидимому, этот поступок все-таки был богоненавистным. Но не этим, как только что мы решили, дается определение благочестия и нечестия, ибо богоненавистное оказалось в то же время и боголюбезным. Итак, от этого, Евтифрон, я тебя увольняю: если хочешь, пусть все боги признают это несправедливым и пусть все его ненавидят. Но не внести ли нам в наше теперешнее рассуждение такую поправку: то, что́ все боги ненавидят, нечестиво; то, что́ они любят, благочестиво; то же, что́ одни боги любят, другие ненавидят, будет ни то, ни другое, либо и то и другое. Не хочешь ли дать теперь такое определение благочестия и нечестия?

Евтифрон. Что́ этому препятствует, Сократ?

Сократ. Для меня, по крайней мере, Евтифрон, никакого препятствия тут нет, но подумай о себе: если ты предположишь это, легко ли будет тебе разъяснить мне то, что́ ты обещал?

Евтифрон. Но я готов был бы утверждать, что благочестие — то, что́ все боги любят, и, наоборот, нечестие — то, что́ все боги ненавидят.

Сократ. Итак, будем ли мы, Евтифрон, рассматривать, правильно ли это утверждение, или оставим без рассмотрения и примем и за себя самих, и за всех прочих, если только кто-либо будет что-либо утверждать — считать дело так, как мы согласились его считать? Или следует рассмотреть, что́ имеет в виду утверждающий?

Евтифрон. Следует рассмотреть. Что́ касается, впрочем, меня, то, по моему, это теперь сказано правильно.

12

Сократ. Скоро, добрейший, мы это узнаем еще лучше. ¹⁰ Обрати внимание на следующее: потому ли боги любят благочестивое, что оно благочестиво, или оно благочестиво потому, что его любят боги?

Евтифрон. Не соображаю, что ты говоришь, Сократ.

Сократ. Попробую выразиться яснее. Мы называем нечто несомым и несущим, ведомым и ведущим, видимым и видящим; понимаешь ли ты, что все это отличается одно от другого и чем оно отличается?

Евтифрон. Да, мне кажется, понимаю.

Сократ. Стало быть, и любимое есть одно, любящее—нечто другое?

Евтифрон. Да.

Сократ. Скажи же мне, есть ли несомое несомо потому, ^в что его несут, или по какой иной причине?

Евтифрон. Именно по этой причине.

Сократ. И ведомое — ведомо потому, что его ведут, и видимое — видимо потому, что его видят?

Евтифрон. Конечно.

Сократ. Не потому, следовательно, что-нибудь видят, что оно видимо, а наоборот, потому оно и видимо, что его видят. Не потому что-нибудь ведут, что оно ведомо, но оно ведомо, потому что его ведут. Не потому что-нибудь несут, что оно несомо, но потому оно несомо, что его несут. Ясно ли, Евтифрон, что я хочу сказать? А хочу я сказать вот что: если что-нибудь ^с происходит, или если что-нибудь претерпевает, то оно не потому происходит, что бывает происходящим, а потому оно бывает происходящим, что происходит, не потому претерпевает, что бывает претерпевающим, а потому оно бывает претерпевающим, что претерпевает ¹⁶. Или ты с этим несогласен?

Евтифрон. Нет, согласен.

Сократ. Итак, не есть ли и любимое нечто происходящее или претерпевающее что-либо от чего-либо?

Евтифрон. Разумеется.

Сократ. И тут, следовательно, дело обстоит так же: не потому что-либо любят, что оно любимо тем, кто его любит, но потому оно любимо, что его любят?

Евтифрон. Непременно.

Д Сократ. Чтò же сказать нам о благочестивом, Евтифрон? Не то ли, что его любит все боги, как ты говорил?

Евтифрон. Да.

Сократ. Потому что оно благочестиво, или по какой другой причине?

Евтифрон. Нет, именно по этой.

Сократ. Следовательно, его любят потому, что оно благочестиво, а не потому оно благочестиво, что его любят?

Евтифрон. Казалось бы так.

Сократ. Но боголюбезное, конечно, боголюбезно и любимо потому, что его любят боги.

Е Евтифрон. Как же иначе?

Сократ. Следовательно, боголюбезное не есть благочестие, Евтифрон, равно как и благочестие не есть боголюбезное, как ты говоришь, но одно — одно, другое — другое.

Евтифрон. Каким образом, Сократ?

Сократ. Потому что, — мы согласились в этом, — благочестие любят потому, что оно благочестиво, а не потому оно благочестиво, что его любят. Разве не так?

Евтифрон. Так.

13

Сократ. И боголюбезное потому, что его любят боги, от этой самой любви и есть боголюбезное, а не потому его любят, что оно боголюбезно.

Евтифрон. Правду ты говоришь.

Сократ. А если бы, друг мой Евтифрон, боголюбезное и благочестивое было тождественно, то в том случае, если бы благочестивое любили ради благочестивого, и боголюбезное любили бы
11 потому, что оно боголюбезно, а с другой стороны, если бы боголюбезное было боголюбезно потому, что его любят боги, то благочестие было бы благочестиво потому, что его любят.

А теперь, ты видишь, выходит наоборот, так как благочестие и боголюбивое вовсе не тожественно: одно вызывает любовь тем, что его любят, другое любят потому, что оно вызывает любовь. И выходит, Евтифрон, что на заданный тебе вопрос, что такое благочестие, ты, как будто, не хочешь раскрыть мне его сущность, а говоришь, что оно любимо всеми богами. Между тем, это есть лишь некоторое состояние, испытываемое благочестием; а в чем его сущность, этого ты еще не сказал. Будь любезен, не скрывай от меня, а скажи опять, с начала, что же такое благочестие в его сущности — безразлично, любят ли его боги и испытывает ли оно какое бы то ни было состояние; ведь об этом у нас разногласия не будет; ты только скажи вполне определенно: что такое благочестие и нечестие?

Евтифрон. Не знаю я, Сократ, как выразить тебе свою мысль. Кружится как-то все время вокруг нас все то, что мы предположим, и не хочет оставаться там, где мы его утвердим.

Сократ. На изделия моего предка, Дедала, похоже, Евтифрон, то, что ты говоришь¹⁷. И если бы я все это говорил и определял, то, пожалуй, ты стал бы смеяться над мною, — что, вот, и у меня, по родству с Дедалом, мои словесные изделия убегают и не желают оставаться там, где их поставят. Но теперь это ведь твои собственные предположения, так что нужна другая какая-то шутка: твои предположения не хотят оставаться у тебя, как и самому тебе это кажется.

Евтифрон. А мне, Сократ, думается, та же шутка почти что приложима и к моим словам. Ведь не я вложил в них то, что они ходят вокруг и не остаются на одном месте; ты же, по моему, и есть настоящий Дедал: насколько, по крайней мере, от меня зависит, мои слова так бы и оставались на одном месте.

Сократ. Я, друг мой, оказываюсь, повидимому, посильнее в искусстве, чем Дедал, поскольку он-то только одни свои произведения делал подвижными, я же, сверх своих произведений, делаю таковыми, как кажется, и чужие. И, разумеется, наибольшая тонкость моего искусства заключается в том, что я, помимо своей воли, мудрец: ведь я хотел бы, чтобы мои рассуждения оставались и неизбежно утверждались, более, чем хотел бы обладать, сверх мудрости Дедала, еще и богатством

Е Тантала¹⁸. Но довольно об этом. Так как, мне кажется, ты распустился, то я сам приду тебе на помощь, чтобы ты научил меня насчет благочестия; ты только не отставай. Посмотри-ка: не кажется ли тебе необходимым, чтобы все благочестивое было справедливым?

Евтифрон. Мне, конечно, кажется.

Сократ. Следовательно, все справедливое благочестиво? Или же все благочестивое — справедливо, но не все справедливое — благочестиво, а одно справедливое — благочестиво, другое же — еще и нечто иное?

Евтифрон. Не успеваю за ходом твоих рассуждений, Сократ.

Сократ. А, ведь, ты моложе меня на столько же, насколько и мудрее. Говорю же я, что ты распустился от богатства своей мудрости. Ну-ка, подтянись, любезнейший: вовсе нетрудно сообразить, что я говорю. А говорю я как раз противоположное тому, что сочинил поэт, сказавший:

Зевса, все это создавшего и все насадившего,

Он не желает бранить: ибо где страх, там и стыд¹⁹.

Я с этим поэтом не согласен. Сказать тебе — в чем?

Евтифрон. Конечно, скажи.

Сократ. Мне не думается, что „где страх, там и стыд“. Мне кажется, боясь болезни, бедности и многого тому подобного, люди страшатся всего этого, но нисколько не стыдятся того, чего боятся. Разве, по твоему, не так?

Евтифрон. Конечно, так.

Сократ. Но зато, где стыд, там и страх. Действительно, существует ли такой человек, который, стыдясь какого-либо поступка и совестясь его, не страшился бы в то же время его и не боялся бы дурной молвы?

Евтифрон. Конечно, всякий боится.

Сократ. Поэтому неправильно говорить: где страх, там и стыд, а нужно говорить: где стыд, там и страх; во всяком случае, не везде, где страх, там и стыд, так как, я думаю, страх касается большего числа случаев, чем стыд. Ведь, стыд — часть страха, все равно, как нечетное число — часть числа, так что не всегда, когда есть число, там есть и нечетное число, но где есть нечетное число, там есть и число. Теперь-то следишь кое-как за мною?

Евтифрон. Ну, конечно.

Сократ. Ведь нечто подобное я имел в виду и тогда, когда задавал вопрос: где справедливое, там ли и благочестивое? Или же где благочестивое, там и справедливое, а где справедливое, там не всегда благочестивое, так как благочестивое есть часть справедливого? Так ли это? Или тебе иначе кажется?

Евтифрон. Нет, именно так. Мне сдается, ты говоришь правильно.

14

Сократ. Смотри, что за этим следует. Если благочестивое — часть справедливого, мы должны, повидимому, отыскать, какая именно часть справедливого — благочестивое. Если бы ты задал мне вопрос о том, скажем, о чем только что шла речь: положим, какую часть числа составляет число четное, и что это за число, я ответил бы: это есть такое число, которое не хромает на одну сторону, но держится на равных сторонах²⁰. Или, по твоему, не так?

Евтифрон. Нет, так.

Сократ. Вот ты и постарайся разъяснить мне таким же образом, какую часть справедливого составляет благочестивое. Тогда я и Мелету могу сказать, чтобы он больше нас не обижал и не обвинял в неблагочестии, так как мы уже в достаточной мере от тебя научились тому, что такое набожное и благочестивое и что — нет²¹.

Евтифрон. В таком случае, Сократ, по моему, набожное и благочестивое есть та часть справедливого, которая имеет отношение к служению богам, а та часть, которая относится к служению людям, есть остальная часть справедливого.

15

Сократ. И, мне кажется, ты правильно говоришь, Евтифрон. Мне недостает только еще безделицы: не понимаю я, что это значит служение, о котором ты упомянул. Ведь не хочешь же ты сказать, что служение богам нечто в таком же роде, как и

остальные виды служений. Ведь говорим же мы, например, что не всякий умеет обращаться с лошадьми, а только конюх. Не так ли?

Евтифрон. Разумеется.

Сократ. Потому, что ремесло конюха и есть служба лошадям.

Евтифрон. Да.

Сократ. Конечно, и с собакам умеет обращаться не всякий, а только псарь.

Евтифрон. Так.

Сократ. Потому, что ремесло псаря есть служба собакам.

Евтифрон. Да.

В Сократ. Ремесло пастуха есть служба скоту.

Евтифрон. Разумеется.

Сократ. Ну а благочестие и набожность пред богами, Евтифрон? Ты и это разумеешь так же точно?

Евтифрон. Так.

Сократ. Итак, не достигает ли всякое служение той же цели? Не служит ли оно к некоему благу и пользе для того, кому служат? Не видишь разве ты, что лошади от применения к ним ремесла конюха получают пользу, становятся лучше? Или, по твоему, не так?

Евтифрон. Нет, так.

Сократ. То же и собаки от применения к ним ремесла псаря, скот — пастуха и все прочее. Или, ты думаешь, такое служение бывает направлено ко вреду для того, кому служат?

Евтифрон. Клянусь Зевсом, я этого не думаю.

Сократ. Значит, к пользе?

Евтифрон. Да как же иначе?

Сократ. Ну, а благочестие, будучи служением богам, есть ли польза для богов, делает ли оно их лучшими? И можешь ли ты согласиться, что, всякий раз как ты совершаешь что-либо благочестивое, ты тем самым делаешь кого-либо из богов лучшим?

Евтифрон. Да нет же, клянусь Зевсом.

Сократ. Да и я, Евтифрон, не думаю, чтобы ты утверждал это — вовсе нет! Поэтому-то я и задавал тебе вопрос, какое служение богам ты имеешь в виду, полагая, что ты говоришь не о таком служении.

Евтифрон. И правильно, Сократ. Я имею в виду не такого рода служение.

Сократ. Хорошо. Но, в таком случае, что же за служение представляло бы благочестие?

Евтифрон. А такое, Сократ, каким рабы служат своим господам.

Сократ. А, понимаю. Значит, это было бы, повидимому, своего рода служба богам?

Евтифрон. Вот именно.

16

Сократ. Можешь ли ты сказать о службе врачам, к созданию какого дела служба эта, как таковая, ведет? Как, по твоему, не клонится ли она к созданию здоровья?

Евтифрон. Да.

Сократ. А служба корабельным мастерам? К созданию какого дела эта служба?

Евтифрон. Ясно, Сократ, что к постройке корабля.

Сократ. А служба строителям к постройке дома?

Евтифрон. Да.

Сократ. Скажи же, добрейший, чему служба богам могла бы служить? Ясно, ты это знаешь, так как, по твоему утверждению, тебе лучше чем кому-либо известно все, относящееся к области божественного.

Евтифрон. И это я правду говорю, Сократ.

Сократ. Скажи же, ради Зевса, что представляет собою то всепрекрасное дело, какое производят боги, пользуясь нами, как слугами?

Евтифрон. Много прекрасных дел, Сократ.

Сократ. Ведь и полководцы, мой друг, производят много прекрасных дел, тем не менее ты легко мог бы назвать главное их дело — именно: они достигают победы на войне. Или не так?

Евтифрон. Так.

Сократ. Много прекрасных дел совершают и земледельцы, я думаю, и, однако, главное из них — добывание пищи из земли.

Евтифрон. Разумеется.

Сократ. Ну, а в том множестве прекрасного, что боги производят, какое же их занятие будет главным?

Евтифрон. Несколько ранее я сказал тебе, Сократ, что слишком большого труда стоило бы все это усвоить себе точно, в чем оно состоит. Все же попросту я скажу тебе: если кто умеет говорить и делать богам угодное, совершая молитвы и жертвоприношения, это и есть благочестие; все это охраняет и частную жизнь и государственные дела; противоположное же угодному есть неблагочестие; оно все ниспровергает и ведет к гибели.

17

Сократ. Если бы ты пожелал, Евтифрон, то мог бы значительно короче указать мне суть того, о чем я тебя спрашивал. Но у тебя нет охоты научить меня — это ясно. Вот и теперь: только ты подошел к этому, как и свернул в сторону. Если бы ответил, я уже в достаточной мере научился бы от тебя, что такое благочестие. А теперь спрашивающему приходится следовать за тем, кого он спрашивает, куда бы тот его ни вел. Что же, наконец, ты разумеешь под благочестивым и благочестием? Не есть ли это своего рода знание приносить жертвы и совершать молитвы?

Евтифрон. Вот именно.

Сократ. Но, ведь, приносить жертвы значит совершать дары богам, а молиться значит просить богов?

Евтифрон. Совершенно верно.

Сократ. Из этого рассуждения выходит, что благочестие есть знание того, как нужно просить богов и как нужно совершать им дары.

Евтифрон. Превосходно, понял ты, Сократ, что я сказал.

Сократ. Я ведь, друг мой, страстно жажду твоей мудрости и прилепляюсь к ней, так что ни одно из сказанных тобою слов не упадет на землю²². Но скажи мне, что такое эта служба богам? Ты утверждаешь, что это значит просить их и давать им?

Евтифрон. Да.

18

Сократ. А не значит ли просить их правильно — просить у них того, в чем мы нуждаемся?

Евтифрон. А то что же?

Сократ. И с другой стороны, не значит ли правильно давать им — воздавать им то, в чем они нуждаются от нас? Ведь было бы неловко дающему приносить дары тому, кто в этом нимало не нуждается.

Евтифрон. Ты говоришь верно, Сократ.

Сократ. Следовательно, Евтифрон, благочестие есть нечто в роде торгового обмена между богами и людьми?

Евтифрон. Хорошо, торгового, если тебе нравится так называть его.

Сократ. Мне-то нисколько не нравится, коль скоро это неверно. Но объясни мне, какая польза богам от тех даров, какие они получают от нас? Что они дают, всякому ясно: для нас нет никакого блага, какого они не давали бы нам. Но какая для них польза в том, что они получают от нас? Или при этой торговле мы приобретаем от них такую выгоду, что получаем от них все блага, а они от нас — ничего не получают?

Евтифрон. Так ты, Сократ, полагаешь, что боги извлекают пользу из того, что они получают от нас?

Сократ. Но что же тогда, Евтифрон, будут наши дары богам?

Евтифрон. Что же иное, по твоему, как не почет, почетные дары и — об этом я только что упоминал — приятность?

Сократ. Значит, Евтифрон, благочестивое есть то, что приятно богам, а не то, что им полезно или любезно.

Евтифрон. Я, по крайней мере, думаю, что всего скорее то, что любезно.

Сократ. Следовательно, опять-таки благочестивым оказывается то, что любезно богам.

Евтифрон. Преимущественно это.

19

Сократ. И вот после этих слов ты удивляешься, что твои рассуждения оказываются не стоящими на месте, а движущимися, да еще обвиняешь меня, Дедала, в том, что я заставляю их двигаться, а сам-то ты куда искуснее Дедала и заставляешь их ходить кругом? Разве ты не замечаешь, что наше рассуждение, сделав круг, снова возвращается на то же место? Ведь ты же помнишь, что раньше благочестивое и боголюбезное оказалось у нас не тожественным, но отличным одно от другого. Или не помнишь?

Евтифрон. Помню.

Сократ. А теперь разве ты не замечаешь, что любезное богам, согласно твоему утверждению, благочестиво. Что же это иное, как не боголюбезное? Или не так?

Евтифрон. Конечно, так.

Сократ. Значит, или недавно мы неладно договорились, или, если тогда условились хорошо, теперь утверждаем неправильно.

Евтифрон. Повидимому, так.

20

Сократ. Следовательно, нам нужно снова, с самого начала, рассмотреть, что такое благочестие, потому что, пока я не узнаю этого, я добровольно не сдамся. Только ты меня не презирай, но, напрягши свой разум, раскрой мне теперь окончательно истину. Ты, ведь, знаешь ее, как никто другой, и тебя, как Протея, следует не отпускать до тех пор, пока ты не выскажешься²³. В самом деле: если бы ты не знал определенно, что такое благочестие и нечестие, то невозможно допустить, чтобы ты решился преследовать судом отца, старика, за убийство поденщика. Ты побоялся бы и богов, как бы не вышло, что ты поступаешь в данном случае неправильно; да и людей ты постыдил бы. Но теперь я хорошо знаю, что ты определенно знаешь, что благочестиво и что нет. Итак, скажи же, дорогой Евтифрон, не скрывай, что ты об этом думаешь.

Евтифрон. Скажу, только в другой раз, Сократ, ибо теперь кое-куда тороплюсь, и мне пора итти.

Сократ. Чтò ты делаешь, друг мой! Ты уходишь и лишаешь меня великой надежды, какую я питал: что я, узнав от тебя, что такое благочестие и что нет, избавлюсь от обвинения Мелета. Ему я заявил бы, что я, благодаря Евтифрону, стал мудр в делах, касающихся божественного; что я больше не вольнодумничаю, по невежеству своему, и не ввожу новшеств во все это; что я всю остальную жизнь, может быть, проведу лучше.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ (2 А). Ликей — гимнасий, в восточной части Афин, обычное местопребывание Сократа.

² (2 А). Царский Портик, расположенный на афинской агоре (городской площади), служил присутственным местом архонта-царя. Это было одно из древнейших общественных зданий в Афинах. В Портике, представлявшем большую залу, которая могла служить для собраний, стояли вырезанные на каменных пилястрах копии законов Солона, а также и другие важные законодательные акты.

³ (2 А). К числу функций архонта-царя относилось, между прочим, разбирательство дел, касающихся преступлений против культа и религии, в том числе и дела по обвинению в нечестии (*δωρέσεια*). Он же производил следствия по делам об убийствах, вследствие религиозного характера таких дел. Мелкие дела архонт-царь решал своею властью, более же важные представлял ареопагу, или эфетам; если дело было подсудно суду присяжных, то он председательствовал при разборе.

⁴ (2 В). Мелет, один из обвинителей Сократа, обыкновенно отождествляется с трагическим поэтом, конца V в., Мелетом; вряд ли такое отождествление правильно; вероятно, поэт Мелет был отцом Мелета, обвинителя Сократа. См. J. Kirchner, *Prosopographia Attica*, II, Берл. 1903, № 9830. Оба Мелета приписаны были к дему (сельскому округу, волости) Питфу, расположенному в средней части Аттики, к с.-в. от Афин.

⁵ (3 А). „Начинает с очага“ — пословица (схол. к „Осам“ Аристофана, 846) в значении начинать что-либо с самого корня, так как очаг считался главной и священной частью дома.

⁶ (3 В). „Демоний“ Сократа — „благотворное провиденциальное внушение, обращавшееся в единичных случаях к его разумной воле, но не в форме только внутреннего сознания, а и внешним осязательным образом. Платон и Ксенофонт согласно свидетельствуют, что демоний говорил Сократу помощью звука и знака. По содержанию этих внушений, всегда целесообразных (в высшем нравственном смысле), их нельзя признать за простые болезненные галлюцинации, а по их осязательной форме их нельзя отождествить с голосом совести или категорическим императивом“ (Вл. Соловьев). Подробности см. у H. Maier, *Sokrates, sein Werk und seine geschichtliche Stellung*, Тюбинген 1913, 450 сл.

⁷ (4 А). Поговорка, имеющая смысл „гоняться за чем-нибудь несбыточным“.

⁸ (4 С). Евтифрон и его отец были клерухами на острове Наксосе (один из Кикладских островов), т. е. имели там земельный надел.

⁹ (4 D). Эксегеты — официальные должностные лица в Афинах, на обязанности которых лежало быть истолкователями сакрального права; они давали толкования, в подлежащих случаях, преданиям и законоположениям, относящимся к области религии, между прочим, указывали средства очищения лицам, совершившим невольные убийства и пр. См. Н. И. Новосадский, Древнегреческие эксегеты. Журн. Мин. Нар. Просв. 1905, февраль.

¹⁰ (6 В). Эпитет Зевса.

¹¹ (6 В). Т. е. что рассказывается о Зевсе и пр.

¹² (6 С). Великие Панафинеи — главнейший афинский праздник в честь богини покровительницы города, Афины, справлялся в конце месяца Гекатомбеона, около середины нашего августа. Самую блестящую часть праздника составляла торжественная процессия, во время которой богине приносился пеплос, роскошная одежда для статуи, вытканная избранными афинскими гражданками. Пеплос развешивался в виде паруса на модели корабля и в таком виде провозился по главным улицам и площади города на акрополь, в храм богини, Парфенон. Вытканный из шерсти пеплос, вероятно, шафранового цвета, был украшен изображениями, воспроизводящими различные эпизоды из борьбы богов с гигантами.

¹³ (7 В). После этих слов в рукописях стоит *εἴρηται γάρ* „ибо сказано“. Эти слова, следуя Наберу, считаю вставкой.

¹⁴ (7 С). Следую поправке Шанца *ἐπὶ τίνα* вместо рукописного *ἐπὶ τίνα*

¹⁵ (8 В). Кронос — сын Урана, отец Зевса. По наущению Кроноса, Уран был осклопен, Кронос же, в свою очередь, лишен власти Зевсом и низвергнут в Тартар. Гефест, которого его мать, Гера, столкнула с Олимпа на землю, отомстил ей тем, что сковал ее.

¹⁶ (10 С). Применительно к теперешней терминологии Сократ говорит об активном и пассивном состояниях.

¹⁷ (11 В). Дедал — мифический родоначальник всякого рода художественной деятельности, по более поздней легенде сам скульптор, умевший изваявать самодвижущиеся статуи. Сократ называет Дедала своим предком, так как отец Сократа был скульптором или, скорее, просто формовщиком.

¹⁸ (11 Е). Богатство мифического царя Фригии Тантала вошло у греков в поговорку.

¹⁹ (12 В). По свидетельству схолиаста к данному месту, стихи происходят из поэмы, т. наз., эпического цикла „Кипрские песни“, приписанной поэту Стасину. См. Kinkel, *Epic. graec. fragm.* I, p. 30, fr. 20.

²⁰ (2 D). Это уподобление стоит в связи с представлением о равнобедренном треугольнике („держится на равных сторонах“), в противоположность к представлению о разностороннем треугольнике („хромает на одну сторону“).

²¹ (12 Е). Ранее в диалоге Платон пользуется словом *δοσιος* для выражения понятия „благочестивый“. Теперь, я далее, он, наряду с ним, вводит и слово *εὐσεβής*, что значит также „благочестивый“, хотя и с иным оттенком

(см. введение). Причина, побудившая Платона ввести слово *εὐσεβής* на ряду с *δσιος*, заключается в том, что строкою выше Сократ говорит об обвинении его Мелетом в *ἀσεβεια*. Мы переводим в данном случае *εὐσεβής* „набожный“.

²² (14 D). Поговорка, смысл которой такой: у тебя каждое слово рассчитано, и я с этим считаюсь.

²³ (15 D). Протей — морской старец, обладавший даром прорицания, способностью принимать различные образы. В „Одиссее“, IV, 350—570, рассказывается, как Протей, во время сна, был схвачен Менелаем, который не отпускал его до тех пор, пока он не принял, после ряда превращений, своего обычного вида и не поведал ему об участии ахейских вождей, сражавшихся под Троей.
